

*Драган Валентин Иванович.
Родился 02.02.1935 года в Днепропетровске.*

Живёт в Рязани.

В ЗАХВАЧЕННОМ ГОРОДЕ

«Мой дед, Григорий Можаров, – участник Цусимского сражения 1905 года. Будучи на флоте, он, видимо, получил какую-то специальность и впоследствии работал на электростанциях, сначала в пригородах, а потом непосредственно в Днепропетровске. Это и стало определяющим в моей жизни», – рассказывает Валентин Иванович Драган.

Когда началась Великая Отечественная война, ему было шесть лет. Отец ушёл на фронт, родственники уехали в эвакуацию, а он вместе с мамой Татьяной Григорьевной, бабушкой и парализованным дедом остался в захваченном немцами Днепропетровске.

Одно из первых воспоминаний Валентина Драган о том времени: по пять человек в немецкой военной форме, идущие по одну и другую сторону улицы, а между ними – едущие мотоциклы с пулемётами. Валентин Иванович признается, что, наблюдая за этой картиной через забор, тогда не испытывал страха – были лишь детский интерес и любопытство.

Всё изменилось через несколько дней, когда в городе начались грабежи и мародерство. Местное население врывалось на фабрики, громило магазины и забирало оттуда всё, что можно было унести с собой.

«Недалеко от нашего дома находился детский дом (уже после я узнал, что он предназначался для детей врагов народа), – продолжает Валентин Иванович. – Там располагались мастерские, где воспитанники делали что-то из фанеры. Горожане стали и её растаскивать. Начался обстрел. Мать взяла меня за руку и мы побежали в сторону степи. А я смотрю – на куске фанеры лежит парень, у него горло перебито осколком, дальше – убитая женщина».

Когда мать с сыном выбежали из города, они наткнулись на братскую могилу. Солдаты лежали в ней штабелями, не засыпанные землей. Оказалось, что, когда немцы подошли к Днепропетровску, собрали городскую милицию и отдали приказ идти против вражеских танков. А у милиционеров, кроме наганов, ничего не было...

После того, как обстрел закончился, мирное население вернулось в город. Никакой работы здесь не было. Семья Драган, как и многие, выживала за счёт того, что выращивали на участке около дома.

«Сделали крупорошку – камень на камень, а внутри дырка, куда засыпали кукурузу и перемальывали её, из получившейся муки мать пекла лепешки», – поясняет Валентин Иванович. Мать завела кроликов и козу. Ухаживал за ними Валентин, ему же зачастую приходилось пилить и колоть дрова.

Занятый немецкими войсками Днепропетровск оказался отключенным от центрального водопровода. Для технических нужд в бочках собирали дождевую воду. Особенно трудно приходилось зимой. «Когда дед переехал в Днепропетровск (ещё до войны), ему дали три участка. На одном он построил дом для себя, на другом – для старшей дочери. Эти дома были большими и добротными. А на третьем участке построили дом из глины и соломы с деревянным основанием для моей матери, – вспоминает Валентин Иванович. Его съел грибок, к началу войны он практически разрушился. Остатками этого дома и отапливали в холодные военные зимы дом деда, где жили все вместе».

А между тем немцы создали в Днепропетровске концлагерь для евреев. Валентин Иванович запомнил одно из развлечений немецких солдат: они заставляли пожилых женщин садиться друг на друга верхом и драться.

В конце 1941 года в городе было объявлено, что евреи должны добровольно явиться на сборный пункт, чтобы их организованно депортировали в другое место. «Сидим мы ночью, светится каганец (в блюде с подсолнечным маслом подожженный фитиль из ваты), стук в дверь, – рассказывает Валентин Иванович. – Мать открывает – на пороге её коллега с супругой и дочерью. Они – одни из тех, кто пришли с вещами на сборный пункт. Огромную колонну окружила охрана с собаками и погнала

за город. Люди поняли, что их ведут на расстрел. Мужчина ска- зал дочери и жене, чтобы те ложились в большую колею, проде- ланную машинами. Они легли – по ним прошла колонна. Через некоторое время встали и направились к нам, потому что домой возвращаться побоялись. Мать их поселила в спальню». Эта се- мья жила несколько месяцев. «Даже начали угрожать, что если их выгоним, то они скажут немцам, что их здесь приютили, – про- должает Валентин Иванович. – Когда нечего стало есть, сами ушли. А немцы установили новое правило: оставшиеся в городе евреи должны были носить желтую шестиконечную звезду. Мно- гих евреев отправляли в концлагеря в Польшу, а ту семью уби- ли».

На улице, где жил Валентин Драган, находилась тюрьма. Немцы там устроили концлагерь для военнопленных. «Мимо до- ма каждый день прогоняли колонну наших пленных, человек триста – не меньше, – говорит Валентин Иванович. – Все были в летней форме, хотя начинались холода. Наши женщины выстраи- вались вдоль дороги и кидали в колонну хлеб и запеченную кар- тошку».

К зиме 1942 года в Днепропетровске появилось много поли- цаев. Они зверствовали больше, чем немцы. Особенно жестокими были калмыки из карательных отрядов, которые в основном рас- стреливали людей. Немцы стали наводить свой порядок и уст- раивать показательные казни.

Неподалеку было кладбище, где хоронили убитых пленных и местных жителей. Окна комнаты Валентина Драган выходили на дорогу, и он видел, как раза три в день на лошадях провозили на кладбище гору голых трупов.

«Однажды мы с другом увидели, что под конвоем ведут троих человек, – вспоминает Валентин Иванович. – Сразу поня- ли, что их будут расстреливать, захотели на это посмотреть, по- бежали на кладбище и спрятались там, в разрушенном доме. Че- рез окно стали наблюдать за тем, что дальше будет происходить. Видим – выкопанная яма. После выстрела первый сразу упал, второй что-то прокричал, третий же побежал. Его догнали, а он на нас стал показывать. Очередь в нашу сторону – мы, конечно, побежали, боялись, что по нам попадут или собаки догонят. Все- го за время оккупации в мою сторону стреляли три раза».

Валентин Иванович обращает внимание на то, что в воен- ном детстве игры и развлечения были соответствующими: к при- меру, находили снаряды, раскручивали их и бросали в костёр. О последствиях мальчишки особо не задумывались.

«Мать договорилась с похоронной командой, они отдавали ей комиссарские гимнастерки. Моя задача была выпороть крас- ный кант. Потом мать строчила и стирала гимнастерки. Затем мы шли на рынок и меняли их на хлеб», – говорит Валентин Ивано- вич. Он практически вырос на толкучке, поэтому и через много лет в толпе может легко угадать щипачей.

Февраль 1943 года. Однажды утром бабушка вышла на ули- цу и под забором увидела двух лежащих итальянцев. Они были уже обессиленными. (После разгрома под Сталинградом бежали остатки разбитых венгерской и итальянской армий). Пожилая женщина затащила итальянцев в дом, нагрела воды, заставила их помыться и выдала комиссарские гимнастерки. «Они остались до лета, – продолжает Валентин Иванович. – У нас был патефон. Я крутил им пластинки. Они учили меня стрелять из карабина». Валентин Иванович признается, что больше всего его поразило то, как поступила русская женщина в критической ситуации, а ведь она могла бы просто пройти мимо.

Немецкие солдаты расселялись в домах местных жителей. «Когда приходили к нам, то бабушка, показывая на лежащего де- да, говорила: «Тиф!» Немцы очень боялись этой болезни и, как пробка, выскакивали из дома. В тёткин дом поселились два стар- ших офицера. Как-то к Драган зашёл высокий стройный немец. Он, молча, осмотрел дом и на чистом русском языке, указывая на спальню, сказал: «Там буду жить я». Это был сын белой эмиг- рантки, который работал переводчиком.

Когда советские самолеты прилетали, немцы включали прожекторы. «Мы смотрели и переживали, когда наш самолет попадал в луч света. А переводчик ехидно говорил: «Что, более- те? Волнуетесь за своих?», – вспоминает Валентин Иванович.

Прошла Курская битва. Советские войска почти подошли к Харькову. Похоронная команда решила устроить побег двух че- ловек. Их закопали в могилу со всеми остальными, кого привезли хоронить. «Мать меня отправила, чтобы сходил за ними. Ведь ре- бенок не привлёк бы внимания. Я это воспринимал, как игру, хо-

тя было страшно. Слышу – кричат: «Валентин, мы тут». Я привел их домой. Мать их поселила в подвал дома, где жили немецкие офицеры, потому знала, что там искать не будут. Немцы уходили на работу, а мать в это время кормила спасённых мужчин. Не помню, куда они делись потом. Но, уже когда жил в Рязани, мать говорила, что они приезжали в Днепропетровск и спрашивали про меня.

1943 год. Советские войска – на левой стороне Днепра. Немцы решили бежать, но перед этим они начали выгонять мирное население из города. Следом шла команда поджигателей. «На тачке вдвоём с матерью тащили какое-то барахло. Дом наш не сожгли, потому что в нём остался дед, прикованный к кровати. Немцы, наверное, подумали, что они и так не выживут. Мы пришли в какое-то село. Название не помню. Остановились в доме у старосты. Через дорогу начиналась линия фронта.

Ещё одно воспоминание ярко запечатлелось в памяти: «Два немца заходят в пустой дом и зажигают свет. Нам с другом интересно, что они будут делать. Мы подбежали и начали смотреть в окно. Один мужчина поднял руку, другой прострелил её. Потом второй стрелял первому в ногу. Таким образом, они хотели с передовой попасть в госпиталь».

Тогда же Валентин Драган понял и наглядно увидел, что, когда людям действительно страшно, все молятся вне зависимости, верующие они или нет. Особенно страшно было во время ночных бомбардировок. «Когда были теракты в Москве, взрывали многоэтажки, в Рязани в многоквартирных домах устанавливали дежурства. И вот тогда у меня было такое же чувство, как в военные годы», – делится Валентин Иванович.

Когда Днепропетровск освободили, Валентин с мамой вернулись домой. Бабушка с дедом выжили. Приехали из эвакуации и сестры матери со своими детьми. Все поселились в уцелевшем доме. Стало тесно. Татьяна Григорьевна начала искать другое жильё. Её подруга, работавшая военным врачом, получила назначение в Западную Украину, в город Коломыя. Татьяна Григорьевна с сыном поехали с ней. Мать устраивается работать заведующей столовой райкома партии. Через дорогу от столовой был большой особняк, нам разрешили там пожить.

Русских и тогда в Западной Украине не особо любили. Двум выпускницам педучилища, приехавшим из России, бандеровцы отрезали головы. После этого происшествия Татьяна Григорьевна договорилась с семьей местного учителя о съёме у них комнаты. Была такая особенность, что все замки легко открывались проволокой. Когда наступала ночь, мать с хозяйкой веревками привязывали двери, чтобы с улицы в квартиру никто не смог зайти.

Через некоторое время Татьяне Григорьевне подкинули анонимную записку, в которой говорилось, что ей вместе с сыном следует уехать из Коломыи. «Мы поехали обратно в Днепропетровск, – рассказывает Валентин Иванович. Потом вернулся красный командир, муж старшей тети, он отремонтировал сгоревший дом. Вернулся муж младшей тети, они получили квартиру и переехали. Мы остались жить с бабушкой и дедом».

Когда Валентин учился в седьмом классе, знакомый рассказал ему о том, что в Днепропетровске есть спецшкола ВВС. Они с другом решили попробовать туда поступить, написали заявление. Был большой конкурс, но экзамены по русскому языку и математике ребята сдали. Потом были военная форма, погоны, кокарды и серьёзная физподготовка. На лето выезжали в военные лагеря.

Учились в спецшколе до десятого класса, а потом – лётное училище. Оно располагалось в городе Павлоград, под Днепропетровском. Первый раз за штурвал самолета Валентин Драган сел в девятнадцать лет. Под руководством опытных инструкторов, прошедших Великую Отечественную войну, курсанты летали на ЯК-18. Затем его распределили в Грозный. Там он учился летать на ЯК-11. На самолёте МИГ-15 начал летать в Армавирском училище, которое располагалось в станице Кореновская (Краснодарский край). Был старшиной группы.

Однако дали разрядку о сокращении лётного состава. Валентина Драган, как и многих других, сократили. На гражданке летчики были не нужны. Валентин Иванович устроился учеником слесаря в литейный цех на завод «Южмаш» (Днепропетровск). «Решил поступать в Днепропетровский университет на физико-технический факультет, где готовили кадры для разработки ракетной техники, – говорит он. После четвертого курса распределили в город Миасс (Челябинская область), участвовал в испытаниях ракет, работа была очень интересной».

*Летное училище, г. Грозный, аэродром Гойты, 1955 год.
Валентин Драган (справа) с однокурсником Виктором Картавых*

В начале семидесятых годов Валентин Иванович переехал в Рязань, работал на заводе ЗИЛ, в Рязаньоблснабе, рязанском филиале Федерального научно-клинического центра детской гематологии, онкологии и иммунологии.

Записала Ольга Трубушкина

